

А. В. Баранов, Ю. А. Яхутль

Переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях Юга России: особенности взаимодействия власти и сельского населения

Баранов

Андрей

Владимирович

д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф., Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Яхутль

Юрий Асланбиевич

д-р ист. наук, доц., Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия)

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)»

Многие решения органов власти в условиях нехватки информации и кадров управления, пересмотра политического курса начала 1920-х гг. по сей день изучены недостаточно. Малоизвестны и последствия перехода к нэпу в контексте политического противоборства власти и повстанцев на Юге России. Цель статьи — выявить региональные особенности перехода к нэпу на Дону и Кубани в условиях военно-политического конфликта между властью и сельским населением. Исследование охватывает Донскую, Кубано-Черноморскую и Терскую области — основные источники (80%) поставок продовольствия в Европейской России. В данных областях казаки составляли в среднем 38,4% жителей (на Кубани — 45,8%), казачьи общины контролировали в 1917 г. 77–80% обрабатываемой земли¹, чем определялась специфика аграрных отношений.

Хронологические рамки: весна 1921 — конец 1922 г., когда совершился переход от «военного коммунизма» к нэпу, подавлены антибольшевистские выступления казаков и крестьян.

В историографии темы можно выделить четыре этапа. Первый этап (1920-е гг.) характерен первичным осмыслением фактов. Многие авторы были партийными и государственными функционерами, в центре их внимания — вопросы экономического и социального расслоения сельского населения, преодоления повстанчества. Работы часто публицистичны².

На втором этапе (1930-е — первая половина 1950-х гг.) было создано очень мало работ, нэп считался

в духе сталинских оценок вынужденным отступлением социализма из-за мелкобуржуазной стихии, периодом восстановления народного хозяйства³.

Для третьего этапа (1956–1988 гг.) показателен рост интереса к региональным особенностям перехода к нэпу, преодолевался схематизм оценок, значительно расширилась источниковая база, но коренных идеологических изменений взглядов историков не произошло⁴.

Четвертый этап (с 1988 г. по настоящее время) отмечен становлением плюрализма исторических концепций, вниманием к альтернативам развития общества начала 1920-х гг. Российским историкам стали известны взгляды зарубежных исследователей (А. Грациози, М. С. Френкина, В. Н. Бровкина)⁵. Внимание стало уделяться антибольшевистским выступлениям⁶. Но экономические и социальные аспекты перехода к нэпу в регионе изучены слабо.

Нами применены сравнительно-исторический метод и концепция «новой локальной истории», что позволит определить изменение курса большевиков в 1921–1922 гг., установить региональные особенности становления нэпа на Дону, Кубани и Тереке.

В статье использованы документы Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного военного архива, Центров документации новейшей истории Ростовской области и Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области и Краснодарского края. Впервые введен в оборот ряд источников (обзоры особых отделов воинских частей и органов ВЧК, штаба Северо-Кавказского военного округа, отчеты организаций РКП(б), сводки и обзоры органов ВЧК).

Политика «военного коммунизма» предусматривала ускоренное непосредственное строительство бесклассового общества путем огосударствления экономики, уничтожения классовых и сословных различий, создания однопартийной системы и монополярной идеологии. «Военный коммунизм» в 1920 — начале 1921 г. считался РКП(б) наилучшим вариантом построения социализма⁷. Данная стратегия применялась на Юге России с весны 1920 г., будучи детально разработанной в предыдущий период.

Каковы особенности общества на Дону, Кубани и Тереке в 1920–1921 гг.? Регион был аграрным, городское население не превышало 17 %. Юг России отличался высокой товарностью сельскохозяйственного производства. Казачество, владея 77–80 % угодий на Дону и Кубани и 60 % на Тереке, конфликтовало с арендаторами-крестьянами («иногородними») и малоземельными народами Северного Кавказа. Численность казаков составляла 1,5 млн чел. (38,6 %) на Дону; 1,37 млн чел. (45,8 %) на Кубани; 255 тыс. (20,2 %) на Тереке. Среди казаков зажиточный слой был весомее, чем среди «иногородних» (23,8 против 11,8 %). Это относится и к середнякам (51,6 % казаков и 31,8 % «иногородних»)⁸. Вследствие войн объем валовой продукции сельского хозяйства по стране составлял 65 % уровня 1913 г., а в казачьих регионах Юга России — 58 %. Объем промышленного производства сократился в четыре-пять раз. Тем самым производственные возможности региона были подорваны, причем сильнее, чем в среднем по РСФСР⁹. На протяжении войн произошел большой приток крестьян из центральных губерний России. Это привело к эскалации земельного

и сословного конфликта. В то же время власть расценивала Дон и Кубань как основную продовольственную базу и плацдарм для установления контроля над Закавказьем.

Коммунисты изначально воспринимали казачество враждебно, но были вынуждены временно отказаться от жесткого противостояния. Сначала политика большевиков в регионе была умеренной. Пленных «белых» казаков выпускали по домам. 18 ноября 1920 г. принят Декрет СНК «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях», который сохранял трудовые наделы казаков; национализации подлежали только частновладельческие земли¹⁰. Вследствие этого земельное неравенство казаков и крестьян сохранялось. К началу 1923 г. душевой надел оставался в казачьих семьях Дона и Кубани втрое больше, чем в крестьянских; на Тереке — в 1,7 раз больше¹¹. Но острый дефицит продовольствия в стране и возобновление войны привели к лету 1920 г. к жесткому взиманию продразверстки, упразднению сословий, созданию коммун и колхозов, формированию назначаемых революционных комитетов (в большинстве — из уроженцев других регионов). Совнарком РСФСР предлагал изъять на Юге России по продразверстке на 1920/21 хозяйственный год 120 млн пуд. зерновых культур в размере ожидаемого урожая (этот план был выполнен на 48,3%)¹². Среди казаков и крестьян, особенно — зажиточных и середняцких слоев, возросло недовольство. Это привело к выступлениям «бело-зеленых» повстанцев.

1920 г. на Юге России характеризовался восстановлением советской власти, что достигалось мерами централизации управления, продразверсткой, усилением военных и карательных органов. Советы реально работали лишь в тех станицах, где были размещены части РККА. Партийные органы вначале сформировали местные партийные ячейки как опору власти, используя кадры из числа «иностранцев» красноармейцев. Особенностью «военного коммунизма» в 1920 г. на Юге России было сохранение традиционных казачьих форм самоуправления и правил выборов, что нашло подтверждение в Декрете СНК «О строительстве советской власти в казачьих областях» от 25 марта 1920 г.¹³ Но большевики столкнулись с нежелательными итогами выборов местных Советов, что спровоцировало роспуск выборных органов управления¹⁴. Чистка Советов проводилась под предлогом борьбы с засильем «кулацких элементов», подведенных под категорию лиц, лишенных избирательных прав. Расширению социальной базы советской системы должны были помочь беспартийные конференции с преобладанием бедняцкого слоя крестьян и демобилизованных красноармейцев. Поэтому на местах власть ассоциировалась с красноармейцами и «иностранцами» крестьянами¹⁵.

Лето 1920 г. явилось переломным моментом: в ходе сбора продовольствия стали широко применяться силовые методы в сочетании с запретительными экономическими мерами. Правительство продолжало увеличивать объемы продразверстки, по сравнению с прошлым годом они выросли в четыре раза, что способствовало продовольственному кризису на Юге. Продразверстка стала определяющим дестабилизирующим фактором, изменившим

обстановку¹⁶. Она спровоцировала подъем повстанческого движения на Дону, Кубани и Тереке. Сыграли свою роль и врангелевские десанты.

Власть применяла широкие репрессии: так, 17 августа 1920 г. коллегия Кубано-Черноморской областной ЧК вынесла 60 смертных приговоров, а на следующий день — 92¹⁷. Внесудебные расправы на Юге России стали повседневым явлением. По воспоминаниям одного из советских работников, «с бандитами расправлялись быстро. Создавали “пятерки” и выносили приговор»¹⁸.

Аппарат управления, состоявший в основном из уроженцев других регионов, часто сменяемый и политически малограмотный (к марту 1921 г. в партийных организациях РКП(б) на Юге состояли 52,2 тыс. чел., из них 31,4% были вскоре исключены в итоге чистки)¹⁹, вызывал отторжение от власти. Сначала хлеборобы были недовольны действиями местных «партийцев». По мере усиления репрессий сложилось неприятие власти и ее политики в целом большей частью казачества и крестьянства.

Протест выражался в уклонении от продразверстки и вооруженных выступлениях против продотрядов, партийных и советских органов²⁰. Осень 1920 — начало 1921 г. ознаменовались ростом повстанческих отрядов вследствие усиления реквизиционной политики, репрессий, отмены выборов и возвращения к ревкомам. Политика «военного коммунизма» породила острый кризис. Для большевиков угрозой стало активное участие в повстанческом движении бывших красноармейцев и красных командиров. 17 декабря 1920 г. в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа против власти выступил бывший командир РККА К. Т. Вакулин, член РКП(б), награжденный орденом Красного Знамени. В январе 1921 г. бунт поднял 19-й полк 1-й Конной армии под командованием орденосца Г. С. Маслакова. Ушли в подполье и возглавили политотдел повстанческой армии сотрудники казачьей секции Кубано-Черноморского областного ревкома М. П. Пилюк и П. А. Савицкий. Лозунг повстанцев: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!»²¹ находил поддержку у большинства населения. Переход к повстанцам бывших соратников мог привести к потере большевиками власти в регионе.

«Военный коммунизм» не обладал широкой общественной поддержкой, которая могла гарантировать его сохранение при нараставшем кризисе. Переход к нэпу стал вынужденной мерой, чтобы сохранить власть большевиков. В этом — содержание резолюции X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом» и декретов СНК о замене продразверстки на продналог²². Но партийные документы и декреты СНК, ВЦИК в 1921–1922 гг. не содержали четкой экономической концепции. Резолюция X съезда опиралась на допущение местного продуктообмена, что не означало свободного товарооборота. У государства отсутствовал товарный запас, способный полностью удовлетворить потребности сельских жителей. Осенью 1921 г. В. И. Ленин вынужден признать введение свободной торговли при сохранении «командных высот» за государством²³. Но В. И. Ленин подчеркивал, что уступок в политической сфере и ослабления власти партии не должно быть²⁴. Затянувшийся переход к нэпу во многом объяснялся отсутствием обоснованной экономической концепции.

Отказ от «военного коммунизма» многим местным партийным и государственным работникам был не понятен и воспринят негативно, как временная вынужденная мера. Партийная организация Кубано-Черноморской области отмечала в своем отчете, что «НЭП был встречен восторженно всеми»²⁵, но часть земледельцев не скрывала антибольшевистских взглядов²⁶.

На региональном уровне переход к нэпу требовал времени, но меры «военного коммунизма» в 1921–1922 гг. на Кубани и Дону сохранялись. Совнарком РСФСР решил 28 марта 1921 г. сохранить в недоимочных местностях, к которым относились и Дон, и Кубань, и Терек, принудительный сбор «единовременного продовольственного наряда» до летней жатвы (в размере 10 млн пуд. зерновых культур)²⁷. Наркомат продовольствия обязал Юг России сдать также 5 млн пуд. зерна в порядке товарообмена²⁸. При этом государство смогло предоставить в фонд товарообмена только 35 млн золотых рублей из требовавшихся 150 млн²⁹. Представитель Наркомпрода РСФСР на Юго-Востоке России М. И. Фрумкин предлагал продлить сбор продразверстки до осени 1921 г.³⁰ Аналогичные меры отстаивал секретарь Кубано-Черноморского обкома РКП(б) М. С. Эпштейн на заседании пленума обкома 24 апреля 1921 г.³¹ Третий съезд Советов Донской области (5–8 июня 1921 г.) принял резолюцию, которая призвала в течение месяца усилить работу по сбору продовольствия³². На местах размеры продналога определялись произвольно, вне связи с урожаем. В сочетании с недородом такая политика вызвала голод. В 1921–1922 гг. голодали 20 % населения Юга России, в том числе 50 % жителей Донской области³³.

Местные партийные и правоохранительные органы власти продолжали применять репрессии. Комиссия «по ущемлению буржуазии» провела аресты с заключением в лагеря для использования на принудительных работах³⁴. Местные партийные организации совместно с трибуналами продолжали выносить смертные приговоры. Так, Реввоен трибунал Чонгарской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии 22 сентября 1921 г. вынес смертный приговор Гавриилу Михайловичу Жебелю 27 лет, казаку, жителю ст. Переяславской. Он произнес речь: «Вы смотрите на меня и не бойтесь. Ведь в исполкоме и продпятерке дураки. Поддержат нас под стражей и отпустят, а хлеб у нас не возьмут, и мы не дадим этой Соввласти, а в случае что, так мы ведь тоже партизаны и сумеем себя защитить»³⁵.

Поддержка крестьянами продналога вскоре сменилась пессимистическими настроениями, многие восприняли новые меры как уловку режима. Продолжалось повстанчество. Казаки и зажиточная часть крестьян отстаивали право на свободное распоряжение продуктами труда, на сохранение традиционных форм самоуправления. Штаб Северо-Кавказского военного округа (СКВО) отмечал, что повстанцы стали менять тактику, отказываясь от убийств и насилия, что вызвало затруднения для большевиков³⁶. Такая тактика повстанцев повысила их поддержку населением станиц. Только в Кубано-Черноморской области к весне 1921 г. действовало более 4 тыс. повстанцев³⁷. Штаб войск СКВО держал на учете 19 640 действующих повстанцев³⁸. Позже их численность колебалась в зависимости от цикла сельскохозяйственных работ и текущей политики власти. Так, на 1 октября 1921 г. насчитывалось

3183 повстанца в Кубано-Черноморской области, 1560 — в Терской и 971 — в Донской; на 1 мая 1922 г. — соответственно, 1018, 1345 и 95 чел.; а к началу 1923 г. — 80, 113 и 9 чел.³⁹ Основные очаги боевых действий охватывали плавни Приазовья, всю полосу Предкавказья от Кубани до Чечни. В числе крупнейших разгромленных за май — октябрь 1921 г. были Кубанская повстанческая армия во главе с генералом М. А. Пржевальским, отряды В. А. Даутокова (Серебрякова) и Г. С. Маслакова на Тереке. Судя по хранящимся в фондах Российского государственного военного архива листовкам и приказам повстанческих отрядов, в 1921–1922 гг. преобладали проэсеровские лозунги «народовластия», свободной торговли, власти Советов «без коммунистов и чекистов». Среди черноморских казаков (западная часть Кубанской области) преобладали федералистские требования, чего не наблюдалось в донском, терском и кубанском линейном казачестве⁴⁰.

Для казачества лозунги войскового самоуправления и общинного землепользования, выборной власти, нашедшие поддержку в годы Гражданской войны, оставались актуальными, составляя еще одну линию противостояния власти. Сельское население Кубани и Дона не скрывало негативного отношения к деятельности местных Советов и их работников, которые злоупотребляли служебным положением, не отличались высокими моральными качествами. Малограмотные люди, бывшие красноармейцы и командиры быстро «впитали в себя» идеи «военного коммунизма». Перенос военных методов и средств на мирную жизнь стал для них наилучшей формой руководства. Искусство политического управления им было недоступно по объективным причинам, что формировало новую линию противоречий (коммунист-руководитель должен был выполнять директивы партии, но его интересы были иными). На Юге это приобретало черты противостояния с казачеством, воспринимавшим коммунистов не только представителями партии, но и «иногородними», чужаками.

Привлечение рабочих и батраков в продотряды при сборе продналога и в состав посевных комитетов вызвало негативную реакцию казаков⁴¹. Так, на Дону, согласно информационным сводкам органов ВЧК, продработников убивали, а оставшиеся боялись, так как подверглись насилию со стороны «бело-зеленых банд» и лишены возможности работать⁴², «выборы проходили ненормально... Выбирали того, кого не было на общем собрании...»⁴³. На Дону и Тереке отмечалось пагубное «разлагающее влияние буденновцев и красноармейцев»⁴⁴. Местные Советы часто бездействовали, в некоторых исполкомах в течение года 12 раз менялся председатель, а некоторые первичные партийные организации дискредитировали себя из-за дележа конфискованного имущества «ущемленных буржуа»⁴⁵.

Сначала новая продовольственная политика не получила большого доверия, на местах руководители не видели различий между продразверсткой и продналогом⁴⁶. На региональном уровне не было понимания, как реализовывать установки центральной власти⁴⁷. Делегаты Донской областной конференции РКП(б) в декабре 1921 г. признавали, что новая политика остается непонятной для подавляющего числа партийных и советских работников⁴⁸. Это формировало стиль и методы руководителей регионального и местного

уровней, бывших красноармейцев, перешедших из ревкомов в продовольственные органы или Советы. Им гораздо ближе был «военный коммунизм». Большинство рядовых коммунистов относилось к нэпу как к «неизбежному злу», «экономическому Бресту», вызывавшему страх перед реставрацией капитализма. Партийные конференции констатировали наличие «разложения и бегства» командированных коммунистов из числа рабочих⁴⁹. На местах отмечалось большое количество необоснованных перемещений руководящего состава партийных, советских и хозяйственных органов, рост местничества, применение военных методов в отношениях с населением⁵⁰.

В сельском хозяйстве сохранялись институты и методы военно-коммунистического управления. Наибольшее неприятие жителей станиц вызывал сбор 18 различных натуральных платежей при том, что казачество до революции было освобождено от прямых налогов⁵¹. Дальнейшие преобразования налоговой системы в русле введения единого денежного сельскохозяйственного налога способствовали развитию товарности хозяйств, их восстановлению, тем самым укрепляя рынок.

Политические настроения земледельцев оставались пронизанными идеями свободы торговли и «трудовластия» в эсеровском духе. Казачество сохраняло убеждение в особом статусе и единстве, отрицая свое классовое расслоение. Большевики вынуждены были учитывать это в аграрной политике. Так, секретарь Юго-Восточного бюро ЦК (с лета 1924 г. — Северо-Кавказского крайкома) РКП(б) А. И. Микоян упорно избегал в воспоминаниях слова «казак», подменяя его бессловным «крестьянством», но вынужден был упомянуть, что антисоветски настроена в большей мере «верхушка наиболее озлобленного казачества»⁵². Изначально воспринимая казаков как «классового врага», большевики были вынуждены под воздействием продовольственного кризиса смягчить противостояние, согласившись на упразднение назначаемых ревкомов и «комитетов бедноты». Разгром «бело-зеленых» был достигнут к осени 1924 г. вследствие принятия в конце 1922 г. Земельного кодекса РСФСР, улучшения экономического положения, сочетания военно-репрессивных мер с поощрением лояльных власти слоев казаков и крестьян.

Переход от «военного коммунизма» к нэпу на Юге России занял два года. Переход к нэпу означал применение экономических методов и уступок населению, но в пределах идеологической доктрины РКП(б). Начало улучшения взаимоотношений между властью и земледельцами относится к осени 1921 г., когда на основе Наказа Совнаркома о проведении в жизнь начал новой экономической политики были разрешены денежная форма товарообмена, кооперативная торговля, аренда и хозрасчет в государственной промышленности. Декрет ВЦИК о едином натуральном налоге 17 марта 1922 г. упростил налогообложение, дал льготы бедняцким семьям и погасил недоимки, предоставил хозяйствам семенные ссуды. Особое внимание уделялось организации торговли. Благодаря хорошему урожаю удалось возобновить экспорт продовольствия и преодолеть голод. К осени 1922 г. партийные и советские органы в регионе улучшают свой состав, проводят беспартийные конференции, что позволяет снизить напряжение в обществе.

Итак, переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях Юга России (март 1921-го — 1922 г.) оказался трудным и противоречивым. Промедление со сменой политического курса усугубило экономический и политический кризис во взаимоотношениях власти с казачеством и крестьянством. Гражданская война в казачьих областях Юга России была наиболее затяжной и ожесточенной, это был сложносоставной конфликт, сочетавший классовое, сословное и центр-региональное противостояние. Основным предметом конфликта в аграрном регионе — владение землей и сельскохозяйственной продукцией. На начальном этапе реформ первичным был продовольственный вопрос. Советская система разрушила местное казачье самоуправление и отменила сословия, но вынуждена была сохранить трудовое наделное землепользование казачества. Дон и Кубань являлись основными источниками продовольствия Европейской России, что привело к сохранению в 1921–1922 гг. «военно-коммунистических» практик продовольственной политики. Кадровый состав органов власти оставался малограмотным, рекрутировался в основном из других регионов, часто подвергался ротации. Данные факторы вызвали эскалацию социального конфликта и кризис управления, формируя открытые формы противостояния власти и земледельцев.

Рост антибольшевистского повстанческого движения «бело-зеленых» был основан на желании казаков и, в меньшей степени, зажиточных крестьян восстановить традиционное землепользование. На Дону, Кубани и Тереке это означало восстановление особого статуса казачества, его местного самоуправления и права распоряжаться продукцией. Противоречивость движения проявлялась в лозунгах «За Советскую власть без коммунистов!», «Долой коммунистов!», но «За большевиков!». Отмечено активное участие в антиправительственных выступлениях бывших красноармейцев и командиров РККА.

Советское правительство под давлением мятежей крестьян и казаков, экономического кризиса осознало необходимость сочетания репрессивных методов управления с экономическими и политическими, к которым оно стало обращаться по мере перехода к рынку. Нэп более соответствовал реалиям российской экономики, социальной структуры и политических традиций, чем политика «военного коммунизма». От решений X съезда РКП(б) об отказе от насильственной реквизиции продовольствия до полноценного товарообмена и возрождения общероссийского рынка прошло полтора года. Для периода характерно преобладание военно-коммунистических практик при ограниченных масштабах рынка, что стимулировало повстанческие выступления на Дону до конца 1922 г., а на Кубани и Тереке — до осени 1924 г. Решения X съезда РКП(б) по введению натурального продналога вызвали непонимание и сопротивление, выход из партии многих коммунистов.

Период с марта 1921 по конец 1922 г. на Юге России характерен постепенным переходом от продразверстки к продналогу, с осени 1921 г. — отказом от натурального продуктообмена, а с осени 1922 г. — переходом от принудительного взимания продналога к рыночным отношениям, восстановлением торговли. Земельный кодекс 1922 г. стал катализатором земельных преобразований. Эти меры способствовали укреплению индивидуальных крестьянских

и казачьих хозяйств. Достижением нэпа было восстановление гражданского мира в обществе, позволившее сформировать социальную базу реформ и добиться восстановительного эффекта. Но, сочетая многоукладность экономики с монополией партии на власть, новая экономическая политика была противоречивой, что вызвало ее кризисы в 1923, 1925 и 1927 гг.

¹ Козлов А. И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977. С. 16–17, 32; Воскобойников Г. Л., Прилепский Д. К. Казачество и социализм. Ростов н/Д, 1986. С. 7.

² Янчевский Н. Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1927. Т. 2; Гольденкул И. М. Земельные отношения на Кубани. Ростов н/Д; Краснодар, 1924.

³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1950.

⁴ Трифионов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921–1923 гг.). Л., 1964. Ч. 1; Степаненко Б. И. Борьба с вооруженной контрреволюцией на Дону и Кубани и ее разгром (март 1920–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1972.

⁵ Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987; Broukin V. N. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia. 1918–1922. New Jersey, 1994; Graziosi A. La grande guerra contadina in URSS. Bolscevichi e contadini (1918–1933). Roma, 1998.

⁶ Верхотуров Ю. И. Партийно-политическое руководство развитием экономических связей между городом и деревней в 1921–1927 гг., опыт и уроки: На материалах Дона, Кубани и Ставрополя: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1990; Чернопицкий П. Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 3. С. 3–12; Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 227–255; Кратова Н. В. Повстанческое движение на Кубани и в Пятигорье в начале 20-х гг. XX в. Ростов н/Д, 2012; Грищенко А. Н. Григорий Маслаков: от конармейского комбрига до повстанческого командира // Новый исторический вестник. 2013. № 4 (38). С. 125–138; Жуникова Е. Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 гг. М., 2016; Посадский А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. М., 2018.

⁷ Девятый съезд РКП(б): Март — апрель 1920 г.: Протоколы. М., 1960. С. 26, 89.

⁸ Козлов А. И. На историческом повороте... С. 32, 114.

⁹ Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 213. Л. 9; Баранов А. В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. Краснодар, 2019. С. 106.

¹⁰ Собрание узаконений РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1920. № 91. Ст. 483.

¹¹ Одинцов С. С. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета. 1927. № 11. С. 11.

¹² Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М., 1924. С. 428–430.

¹³ СУ РСФСР. 1920. № 24. Ст. 117.

¹⁴ ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3. Л. 47 об.; Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК). Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 8. Л. 72.

¹⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

¹⁶ ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 10. Л. 138.

¹⁷ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

¹⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-р. Оп. 2. Д. 316. Л. 3.

¹⁹ Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Ростов н/Д, 1923. № 2. С. 6; Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М., 1922. С. 37, 45, 46, 23.

- ²⁰ *Стройло И. С.* Повстанческое движение на территории Северо-Кавказского военного округа // Красная армия. 1921. № 9. С. 55–65.
- ²¹ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1922 гг. Документы и материалы / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 588–589, 383–384; ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 50–50 об.
- ²² Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: стеногр. отчет. М., 1963. С. 608–609.
- ²³ *Ленин В. И.* О внутренней и внешней политике республики // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 308.
- ²⁴ *Ленин В. И.* XI съезд РКП(б). Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 119–120.
- ²⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 64. Оп. 1. Д. 96. Л. 136.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 132. Л. 2, 3.
- ²⁷ Советский Юг. 1921. 10 мая.
- ²⁸ Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.): сб. документов / сост. А. Г. Беспалова, И. М. Борохова и др. Ростов н/Д, 1962. С. 82, 94.
- ²⁹ *Шевцов А.* Государственный товарообмен // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 20-21. С. 18.
- ³⁰ Десятый съезд РКП(б). С. 431–436; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 5. Д. 723. Л. 56.
- ³¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 20-20а, 15а, 15б.
- ³² Восстановительный период на Дону... С. 94.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 113. Л. 108; Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 286. Л. 36.
- ³⁴ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 163. Л. 222.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-587. Оп. 1. Д. 4. Л. 97.
- ³⁶ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Д. 120. Л. 11.
- ³⁸ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 217. Оп. 2. Д. 38. Л. 7.
- ³⁹ Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории С. К. В. О. по данным к 1-му декабря 1921 г. за октябрь и ноябрь 1921 г. Ростов н/Д, 1921. С. 16; ГАКК. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 105. Л. 45, 100–101 об., 125, 149–151 об.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 1424. Л. 45; Оп. 6. Д. 20с. Л. 21; Ф. 25896. Оп. 2. Д. 42. Л. 50.
- ⁴¹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–3.
- ⁴² ГАРО. Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 312. Л. 114.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-1789. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.
- ⁴⁴ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 96.; ГАСК. Ф. Р-1316. Оп. 1. Д. 8. Л. 20.
- ⁴⁵ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 73. Л. 9а.
- ⁴⁶ Там же. Д. 74. Л. 116.
- ⁴⁷ *Мозохин О. Б.* ВЧК — ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 23.
- ⁴⁸ ЦДНИРО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 53.
- ⁴⁹ ЦДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 7, 8.
- ⁵⁰ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
- ⁵¹ *Ким Т. И.* Советская государственная налоговая политика в период нэпа (1921–1929 гг.) (на материалах Кубани и Черноморья): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. С. 58.
- ⁵² *Микоян А. И.* В начале двадцатых... М., 1975. С. 210.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2021 г.

Рекомендована к печати 22 февраля 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Баранов А. В., Яхутль Ю. А. Переход от «военного коммунизма» к нэпу в казачьих областях Юга России: особенности взаимодействия власти и сельского населения // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 276–287.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.201>

Аннотация: Авторы статьи исследуют актуальную тему перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике в казачьих областях Юга России — одном из ведущих аграрных регионов. Цель — выявить региональные особенности перехода к нэпу на Дону, Кубани и Терек в условиях военно-политического конфликта между властью и сельским населением. Новизна исследования — по впервые введенным в научный оборот источникам (обзоры особых отделов воинских частей и органов ВЧК, Северо-Кавказского военного округа, отчеты партийных организаций РКП(б) и органов ВЧК) установлены причины затрудненного и замедленного перехода к нэпу, слабости поддержки нэпа и сопротивления реформам местных партийных и советских работников. Гражданская война в казачьих областях Юга России была наиболее затяжной и ожесточенной, представляла собой сложносоставной конфликт, сочетала классовое, сословное и центр-региональное противостояние. Основным предметом конфликта в аграрном регионе стало владение землей и сельскохозяйственной продукцией. Советская система разрушила местное казачье самоуправление и отменила сословия, но была вынуждена сохранить трудовое наделное землепользование казачества. Дон и Кубань являлись основными источниками продовольствия Европейской России, что привело к сохранению в 1921–1922 гг. «военно-коммунистических» практик продовольственной политики. Кадровый состав партийных и государственных органов власти оставался малограмотным, рекрутировался в основном из других регионов, часто подвергался ротации. Данные факторы вызвали не только эскалацию социального конфликта, но и кризис управления. Переход к нэпу требовал постепенного восстановления гражданского мира в казачьих областях, что было в основном достигнуто к концу 1922 г.

Ключевые слова: нэп, военный коммунизм, Юг, Россия, казачьи области, продовольствие.

Сведения об авторах: Баранов А. В. — д-р ист. наук, д-р полит. наук, проф., Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия); baranovandrew@mail.ru | Яхутль Ю. А. — д-р ист. наук, доц., Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия); a075ca@yandex.ru

Кубанский государственный университет, Россия, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149

FOR CITATION

Baranov A. V., Yakhutl Yu. A. 'Transition from War Communism to NEP in the Cossack Regions of Southern Russia: Features of Interaction between the Government and the Rural Population', *Modern History of Russia*, 2022, vol. 12, no. 2, pp. 276–287.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.201> (In Russian)

Abstract: This article explores the transition from “war communism” to the New Economic Policy in the Cossack regions of Southern Russia, one of the leading agricultural regions. The authors aim to identify regional features of the transition to the NEP on the Don, Kuban, and Terek in the context of military-political conflict between the authorities and the rural population. The novelty of this study is sources used for the first time: reviews of Special departments of military units and bodies of the Cheka, the North Caucasus Military District, reports of party bodies of the RCP(b), and Cheka organs. The reasons for the slow transition to NEP, weak support for NEP, and resistance to reforms of local party and Soviet employers are identified. The Civil War in the Cossack regions of Southern Russia was the most protracted and fierce, and it was a compound conflict: it combined class, class, and center-regional confrontation. The main subject of the conflict in the agrarian region was the ownership of land and agricultural products. The Soviet system destroyed the local Cossack self-government and abolished the estates, but it forced to preserve the labor allotment land use of the Cossacks. The Don and Kuban were the main sources of food for European Russia, what led to the preservation of the “war-communist” practices of food policy in 1921–1922. The personnel of the party and state authorities remained illiterate, recruited mainly from the

inhabitants of other regions, and often underwent rotation. These factors caused not only an escalation of the social conflict, but also a crisis of governance. The transition to the NEP required the gradual restoration of civil peace in the Cossack regions, what was mostly achieved by the end of 1922.

Keywords: NEP, war communism, south, Russia, Cossack regions, food.

The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 21-09-43110 "The relationship between the party-state power and the multiethnic society in the national policy implementation (on the materials of the North Caucasus region and the Crimean ASSR in the 1920s)".

Authors: *Baranov A. V.* — Dr. Sci. in History, Dr. Sci. in Political Sciences, Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russia); baranovandrew@mail.ru | *Yakhutl Yu. A.* — Dr. Sci. in History, Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russia); a075ca@yandex.ru

Kuban State University, 149, ul. Stavropolskaya, Krasnodar, 350040, Russia

References:

- Baranov A. V. *Economic and social development of the South of Russia in the conditions of the new economic policy of the 1920s* (Krasnodar, 2019). (In Russian)
- Baranov A. V. *Plural Society of the North Caucasus in the context of the New Economic Policy*. (Krasnodar, 1999). (In Russian)
- Brovkin V. N. *Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia. 1918–1922* (New Jersey, 1994).
- Chernopitskij P. G. 'The insurgent movement of the peasants and Cossacks of the Don in 1920–1922', *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*, no. 3, 1998. (In Russian)
- Frenkin M. S. *The tragedy of the peasant uprisings in Russia. 1918–1921*. (Jerusalem, 1987). (In Russian)
- Goldentul I. M. *Land relations in the Kuban* (Rostov-on-Don; Krasnodar, 1924). (In Russian)
- Graziosi A. *La grande guerra contadina in URSS. Bolscevichi e contadini (1918–1933)* (Roma, 1998).
- Grischenko A. N. 'Grigory Maslakov: from the Cavalry Army brigade commander to the rebel commander', *Novy istoricheskiy vestnik*, no. 4 (38), 2013. (In Russian)
- Kim T. I. *Soviet State Tax Policy during the NEP period (1921–1929) (based on the materials of the Kuban and the Black Sea Region)* [Candidate of History Dissertation] (Krasnodar, 2011). (In Russian)
- Kozlov A. I. *At a historic turn*. (Rostov-on-Don, 1977). (In Russian)
- Kratova N. V. *The insurgent movement in the Kuban and Pyatigorsk regions in the early 20s of the XX century*. (Rostov-on-Don, 2012). (In Russian)
- Mozokhin O. B. *Cheka — OGPU. Punishing sword of the dictatorship of the proletariat*. (Moscow, 2004). (In Russian)
- Philip Mironov. *Quiet Don in 1917–1922 Documents and materials*, ed. by V. Danilov, T. Shanin (Moscow, 1997). (In Russian)
- Posadskiy A. V. *The Green Movement in the Russian Civil War*. (Moscow, 2018). (In Russian)
- Stepanenko B. I. *The struggle against the armed counter-revolution on the Don and Kuban and its defeat (March 1920–1922)* [Candidate of History Dissertation] (Rostov-on-Don, 1972). (In Russian)
- The restoration period on the Don (1921–1925). Collection of documents*, comp. by A. G. Bespalova, I. M. Borokhova, and others. (Rostov-on-Don, 1962). (In Russian)
- Trifonov I. Ya. *Class and class struggle in the USSR at the beginning of the NEP (1921–1923)*, part I (Leningrad, 1964). (In Russian)
- Verkhoturov Yu. I. *Party-political leadership in the development of economic relations between the city and the village in 1921–1927, experience and lessons: On the materials of the Don, Kuban and Stavropol regions* [Candidate of History Dissertation] (Krasnodar, 1990). (In Russian)
- Voskoboynikov G. L., Prilepskiy D. K. *The Cossacks and socialism*. (Rostov-on-Don, 1986). (In Russian)
- Yanchevskiy N. L. *Civil struggle in the North Caucasus*, vol. 2 (Rostov-on-Don, 1927). (In Russian)
- Zhupikova E. F. *Insurgent movement in the North Caucasus in 1920–1925*. (Moscow, 2016). (In Russian)

Received: March 15, 2021

Accepted: February 22, 2022